

ГЛАВА 1

Лесная тропинка, по которой шагали двое мальчишек, казалась им широкой дорогой. Оба так перепачкались в густой черной грязи, что распознать в них человеческих существ смог бы далеко не каждый. У того, что повыше, на покрытой засохшей коркой и уже начавшей чесаться физиономии светились необычайно ясные голубые глаза.

— Ну и влетит же нам, Марк, — ухмыльнулся он. В руке у него болталась праща с увесистым, отшлифованным рекой камнем.

— Все из-за тебя, Гай. Говорил же я, что русло еще не высохло.

После этих слов тот, что пониже, со смехом толкнул приятеля в кусты, издал победный вопль и помчался по тропинке. Гай выбрался из кустов и, вертя пращой, бросился вдогонку.

— Вперед! В бой! — завопил он пронзительным, еще не начавшим ломаться голосом.

Об ожидавшей обоих выволочке за испачканные туники можно было пока не думать, да и хитростей, чтобы избежать наказания, сорванцы знали немало, и сейчас их куда больше занимало другое: пронестись побыстрее по лесным тропам, распугивая птиц. Оба были босы, и подошвы уже изрядно загубели, хотя мальчишкам не было еще и восьми лет.

— Сегодня ему не уйти. Все равно догоню! — бормотал, отдуваясь, Гай.

Для него по-прежнему оставалось загадкой, как Марку, при тех же двух ногах и двух руках, удастся двигать ими быстрее. Более того, поскольку Марк ниже ростом, то ведь и шаг у него должен быть короче?

По голым рукам больно хлестали ветки. Марк по-прежнему бежал впереди, да еще и выкрикивал какие-то дразнилки. Не хватало воздуха, и Гай ощерился, почувствовав сухое жжение в легких.

Внезапно он вылетел на поляну и, проскользнув по траве, в ужасе остановился. Марк лежал на земле и, держась правой рукой за голову, пытался подняться. Рядом с ним, с палками в руках, стояли трое мужчин. Точнее, не мужчин, а парней.

Гай торопливо посмотрел по сторонам и стиснул зубы от досады. В азарте игры они даже не обратили внимания, что забежали на соседские владения. Ему бы следовало быть внимательнее и заметить тропу, разделяющую два участка, но пыл погони заставил забыть об осторожности.

— Это что ж такое? Пара рыбех из ила выползла!

Говорившего звали Светонием, и он был старшим сыном владельца соседнего поместья. Ему уже исполнилось четырнадцать, он собирался в армию, а пока бездельничал, убивая время. От двух своих младших товарищей Светоний отличался заметно лучше развитой мускулатурой. Падавшие на лоб выгоревшие космы частично скрывали угревую сыпь на лбу и лице; красные прыщи тянулись и ниже, до самой претексты¹. В руках он держал длинную прямую палку-посох, рядом стояли два приятеля помладше, перед которыми можно было порисоваться, а впереди был едва ли не целый день, который требовалось чем-то занять.

Гай испугался. Они с Марком попали на чужую территорию, и рассчитывать на дружеское обращение не приходилось. В лучшем случае им просто надают по шее, в худшем — поколотят так, что кости переломают. Похоже, Марку уже врезали чем-то, когда он наткнулся на них на бегу.

— Отпусти нас, Тоний. Нам надо домой.

— Гляньте-ка, говорящая рыбка! Вот так повезло нам. Берите их, ребята. У меня моток веревки с собой — свяжем этих грязнуль, как свиней.

О том, чтобы дать деру, Гай и не помышлял, видя, что Марк бежать не может. Игры кончились; парни были настроены враж-

---

¹ Претекста — тога с пурпурной каймой, которую носили курульные магистраты и мальчики до 16–17 лет.

дебно, и вести себя с ними следовало осторожно, как со скорпионами, готовыми атаковать без предупреждения.

Держа наготове палки, приятели Светония подступили к пленнику. Ни того ни другого Гай прежде не видел. Один из них, подхватив Марка под мышки, заставил его подняться. Второй, туповатого вида толстяк, ткнул Гаю палкой в живот. От боли он согнулся и застонал. Толстяк наблюдал за его мучениями с издевательским смехом.

— Вот здесь подходящий сук! Свяжем им ноги, подвесим головой вниз и будем бросать камни да палки. Посмотрим, кто самый меткий.

— Мой отец знает твоего, — прохрипел Гай, когда боль в животе отпустила.

— Мой твоего терпеть не может. Он — настоящий патриций, не то что твой. Если только захочет, вся ваша семья ему прислуживать будет. А твою сумасшедшую мать я бы полы скрести заставил.

Пока Светоний разглагольствовал, толстяк спутывал Гаю ноги веревкой из конского волоса. Задобрить их было нечем. Отец Гая и в самом деле не имел большого влияния в городе. В роду матери, правда, были консулы. Еще она упоминала дядю Мария...

— Мы сами нобили, и моего дядю Мария лучше не злить!

Рядом коротко вскрикнул Марк — переброшенную через сук веревку натянули, и он повис вниз головой.

— Привяжи веревку к вон тому пню, — с мерзкой ухмылкой распорядился Светоний.

Парни подчинялись ему беспрекословно, и, следовательно, обращаться к ним было бесполезно.

— Отпусти нас, ты, гнойный прыщ! — крикнул Марк, лицо которого потемнело от прилившей крови.

Гай замычал от отчаяния — ну, теперь уж их наверняка убьют.

— Придурок, не трогай его прыщи. Он же от этого бесится.

От изумления брови у Светония поползли вверх. Связывавший Гая толстяк остановился с веревкой в руке. Здоровяк, который закидывал веревку на другой сук, замер.

— Вот и наболтал лишнего, малек! Давай-ка, Деций, заканчивай. Сейчас я ему кровь пуцую.

Мир вдруг тошнотворно перевернулся, веревка скрипнула, в ушах зашумело от прилившей к голове крови, и в следующее

мгновение Гай повис, медленно вращаясь над землей. Рядом точно в таком же положении болтался Марк. Под носом у него темнела кровь.

— Похоже, Тоний, мне тебя благодарить надо — кровь остановилась, спасибо. — Голос у Марка немного дрогнул, и Гай невольно улыбнулся — храбрости его другу было не занимать.

Марк, когда пришел к ним жить, поначалу сильно волновался и переживал — в том числе из-за своего маленького роста. Гай провел его по поместью, а закончил экскурсию на сеновале, над высокими скирдами. Глядя на кучу сена далеко внизу, Гай заметил, что руки у Марка дрожат.

— Я — первый, покажу, как это делается! — задорно крикнул он и с воплем сиганул вниз.

Обернувшись, он попытался обнаружить вверху Марка, но тот не появлялся. Гай уже решил, что не дождется, но тут в воздух взмыла в высоком прыжке маленькая фигурка. Гай откатился в сторону, и Марк шлепнулся в сено, взметнув облако пыли.

— Думал, испугаешься, — сказал Гай.

— Я испугался. Очень, — тихо ответил Марк. — Но я не хочу бояться. И не буду!

В кружащиеся мысли Гая ворвался суровый голос Светония.

— Вот что: мясо, чтобы было мягкое, отбивают молотками. Займите свои места и приступим. Вот так!

Он размахнулся и палкой ударил Гая по голове. Удар пришелся в ухо.

Мир взорвался белым светом и тут же потемнел, а когда Гай снова открыл глаза, все вокруг вертелось. Какое-то время он еще чувствовал удары и слышал голос Светония: «Раз, два, три!.. Раз, два, три...»

Где-то кричал Марк, но потом все стихло, и Гай провалился в небытие, провожаемый смехом и издевками учителей.

При свете дня Гай несколько раз приходил в себя, но тут же впадал в забытье. Только в сумерках он наконец по-настоящему очнулся. Правый глаз заплыл, лицо опухло и покрылось липкой коркой. Оба мальчика все так же висели вниз головой, покачиваясь на дувшем с холмов вечернем ветру.

— Марк, очнись! Марк!

Друг не отозвался, даже не пошевелился и выглядел жутковато, как какое-то страшилище. Речная грязь высохла и отвалилась, оставив серую пыль с красноватыми и багровыми пятнами. Скула распухла, на виске выросла шишка. Левая рука как будто раздулась и в угасающем вечернем свете отливала синевой. Для начала Гай попробовал пошевелить связанными руками. Они затекли и болели, но слушались, и он попытался высвободиться. Юное тело гибко и податливо, и беспокойство за Марка заглушило даже новые приступы боли. Он должен очнуться. Должен! Но прежде чем позаботиться о друге, надо спуститься на землю.

Высвободив одну руку, Гай потянулся к земле, разворошил пальцами опавшие листья. Ничего. Высвободив вторую руку, он расширил область поиска, изворачиваясь и медленно раскачиваясь по кругу. А вот и удача — пальцы нащупали камешек с острой кромкой. Теперь самое трудное.

— Марк? Ты слышишь? Я сейчас спущусь, не беспокойся. А потом убью Светония и его прихлебателей.

Марк не отвечал — только покачивался с открытым безвольным ртом.

Гай глубоко вдохнул и приготовился к боли. Даже в обычных обстоятельствах выгнуться так, чтобы перерезать веревку камнем, задача нелегкая, а когда живот — сплошной синяк, это дело почти невыполнимое.

Давай.

Он напрягся и, застонав, сложился и рванулся вверх. Пальцы ухватились за сук. Легкие как будто всколыхнулись, в глазах потемнело. Силы ушли. В какой-то момент показалось, что его сейчас вывернет наизнанку и что он продержится не более нескольких секунд. Передохнув, он опустил руку с камнем, отклонился назад и принялся пилить веревку, стараясь не порезать ногу в том месте, где веревка врезалась в кожу.

Увы, камень оказался недостаточно острым, да и держаться долго Гай не мог. Он пытался подготовиться к падению, а не свалиться кулем, когда пальцы просто соскользнут в самый неподходящий момент, но не все получалось так, как хотелось.

— Камень у тебя, — бормотал он. — Попробуй еще разок, пока не нагринул Светоний.

Ему вдруг пришло в голову, что, возможно, из Рима вернулся отец — его ждали со дня на день. Вот-вот стемнеет, он забеспоко-

ится. Что, если он уже ищет их, бродит где-то рядом, зовет? Нельзя допустить, чтобы он их нашел в таком виде. Вот будет позор.

— Марк! Скажем им, что мы упали. Не хочу, чтобы отец узнал.

Марк медленно покачивался на поскрипывающем суку и не отзывался.

Гая понадобилось пять попыток. Пять мучительных подъемов. Превозмогая боль, он возил и возил камнем по веревке, пока она не поддалась. Он грохнулся на землю плашмя и всхлипнул от боли, пронзившей обессилевшие мышцы.

Потом Гай попытался осторожно опустить Марка, но ослабевшие руки не удержали свалившийся на них вес, и друг упал с глухим стуком на землю. Гай даже моргнул и поморщился.

Боль привела Марка в чувство. Он открыл глаза и едва слышно прохрипел:

— Рука...

— Похоже, сломана. Ты ею не двигай. Надо уходить отсюда, пока Светоний не вернулся и пока отец не стал нас искать. Почти стемнело. Встать можешь?

— Могу. Только ноги слабые, едва держат. Этот Тоний — просто говнюк, — пробормотал Марк.

Говорил он неразборчиво, едва шевеля разбитыми и опухшими губами и стараясь не двигать челюстью.

Гай хмуро кивнул:

— Точно. За нами должок.

Марк улыбнулся и тут же охнул от резкой боли в потрескавшихся губах.

— Только сперва чуть подлечимся, ладно? Прямо сейчас я с ним схватиться не готов.

Поддерживая друг друга, друзья побрели в темноте домой — через засеянные поля, потом мимо бараков для рабов — к главным постройкам. На стенах дома уже горели масляные лампы.

— Тубрук наверняка ждет нас. Он никогда не спит, — проворчал Гай, когда они входили в ворота.

И тут же оба вздрогнули от раздавшегося из тени голоса.

— А вот это верно! Жаль было бы пропустить такое зрелище. Вам еще повезло, что отец Гая не вернулся. Уж он бы шкуру с вас спустил. Это ж надо, явиться на виллу в таком виде. Ну, что на этот раз?

Тубрук ступил в желтую полосу света от масляных ламп. Бывший гладиатор, здоровяк, он купил должность управляющего скромным поместьем под Римом, о чем ни разу не пожалел. Отец Гая говорил, что люди с такой деловой хваткой встречаются редко, может быть, один на тысячу. Рабы подчинялись ему беспрекословно — кто-то из страха, кто-то — из уважения.

Тубрук принял:

— Никак в речку свалились, а?

Гай и Марк закивали, выказывая свое полное согласие с таким толкованием событий.

— Погоди-ка. А следы от палки тоже оттуда? Светоний, да? Эх, жаль не надрал ему задницу, пока мал был, тогда, может, и на пользу пошло бы. Так что?

— Нет, Тубрук. Мы сами. Поругались, потом подрались. Никаких посторонних там не было. А если кто и был, то мы потом разберемся, ладно?

Тубрука такое объяснение только позабавило. Ему исполнилось сорок пять, и поседеть он успел к сорока. В свое время он повоевал в Африке в составе Третьего Киренаикского легиона, потом поучаствовал почти в сотне гладиаторских боев, напоминанием о которых служили многочисленные шрамы. Опустив на голову Гаю широкую, как лопата, ладонь, Тубрук взъерошил густые волосы толстыми, неуклюжими пальцами.

— Понимаю, волчонок. Вижу, в отца пошел. Но ты еще мальчишка, а Светоний — или кто-то там еще, — как говорят, вот-вот отправится служить. Будь осторожен, его отец — человек очень влиятельный, а нам враги в сенате ни к чему.

Гай вытянулся в полный рост и с самым бесстрастным видом, какой только смог принять, попытался настоять на своем.

— Выходит, нам повезло, потому что Светоний к этому делу никаким боком.

Тубрук кивнул, сделав вид, что полностью с ним согласен, и постарался скрыть улыбку.

Почувствовав себя увереннее, Гай добавил:

— Пришли к нам Луция, пусть займется нашими ранами. У меня сломан нос, у Марка, похоже, рука.

Мальчишки побрели в дом, а Тубрук проводил их долгим взглядом и вернулся на свой пост у ворот. Он всегда выбирал для се-

бя первую стражу. Приближалось лето с его невыносимо жаркими днями. Ясное небо над головой, достойная работа впереди — жизнь хороша.

На следующее утро истерзанное тело — все его мышцы, суставы, синяки и порезы — зашлось протестующим криком нестерпимой боли. Два первых дня после случившегося были самыми тяжельми. У Марка началась лихорадка, попавшая в голову, как объяснил лекарь, от сломанной кости. Раздувшуюся до невероятных размеров руку обездвижили, привязав к дощечке. Жар не спадал несколько дней, и все это время Марк лежал в темной комнате, пока Гай угрюмо слонялся снаружи или сидел на ступеньках.

После стычки в лесу прошла почти неделя. Марк не вставал и был слаб, но уже понемногу выздоравливал. Мышцы все еще отзывались тупой болью при каждом физическом усилии, лицо покрывали желтоватые и багровые пятна и гладкие заплатки заживающей кожи. Однако же время пришло. Время найти Светония.

Гай брел по семейному лесу, и мысли путались от боли и страха.

Что, если Светоний не появится? С какой стати ему каждый день болтаться по лесу? Что, если он опять будет с приятелями? Они же просто убьют его. Гай захватил с собой лук и теперь на ходу пытался натянуть тетиву. Лук был слишком велик для него, но если упереть нижним концом в землю и положить стрелу, то Светоний может и испугаться.

— Светоний, ты, гнойный мешок дерьма! Увижу на нашей земле — получишь стрелу в башку! — громко повторял на ходу Гай.

Лучшей погоды для прогулки по лесу нельзя было и пожелать. Но насладиться ею в полной мере Гаю не давала серьезная цель, приведшая его сюда. На этот раз он смазал свои каштановые волосы маслом и надел чистую, простую и не стеснявшую движений одежду.

Он еще находился на своей стороне от разделявшей два владения границы, когда услышал голоса. По широкой тропе, беззаботно обнимая хихикающую девчонку, шел Светоний. Увлеченный спутницей, он не сразу заметил Гаю.

— Ты нарушил границу! — резко сказал Гай, с удовлетворением отметив про себя, что голос не дрогнул и прозвучал ровно, хотя и высоко. — Ты на земле моего отца!

От неожиданности Светоний вздрогнул и выругался, но потом, разглядев, кто ему противостоит, расхохотался.

— А вот и волчонок! Прямо-таки оборотень какой-то. Мало в прошлый раз всыпали?

Девчонка была симпатичная, но Гай предпочел бы, чтобы она ушла. Присутствия при схватке такой особы он не предвидел и теперь чувствовал, что рядом с ней Светоний еще опаснее.

Между тем Светоний с показной заботой обнял подружку.

— Осторожно, дорогуша! Это опасный воин. И особенно страшен, когда висит вверх ногами, — тогда его просто не остановить!

Он рассмеялся собственной шутке, девчонка присоединилась к нему.

— Это тот, про которого ты говорил, Тоний? Посмотри, какая злобная рожа!

— Увижу здесь еще раз — застрелю, — торопливо предупредил Гай и на пару дюймов натянул тетиву. — Убирайся или получишь стрелу!

Светоний уже не улыбался и, похоже, оценивал и противника, и всю ситуацию.

— Ладно, волчонок, так и быть — получай, раз сам напросился!

Внезапно Светоний бросился на него, и Гай, не подготовившись толком, отпустил тетиву. Стрела пробила тунику и, не причинив никакого вреда, упала на землю. Светоний издал торжествующий вопль и, выставив руки, двинулся вперед. Судя по его злобному взгляду, пощады ждать не приходилось. Поддавшись панике, Гай махнул луком и угодил неприятелю в нос. Брызнула кровь, из глаз покатились слезы, и Светоний взревел от боли. Схватив мальчишку одной рукой, он другой сжал ему горло и оттащил на несколько шагов.

— Чем еще грозить будешь? — прорычал Светоний, сжимая пальцы. Из носа у него текла кровь, капли падали на тунику. Вырвав лук и не отпуская горло, он принялся осыпать Гая ударами.

«Убьет и скажет, что так случайно получилось, — с отчаянием подумал Гай. — По глазам видно, что убьет. Я уже дышать не могу».

Он пытался отбиваться, но колотил по большей части воздух. Все вокруг, словно во сне, затянуло серым туманом, заложило уши. А потом он вообще перестал что-либо чувствовать, и Тоний бросил его на влажные листья.

Часом позже Тубрук нашел Гая на тропе и привел в чувство, плеснув воды на разбитую голову. Лицо снова покрылось коркой запекшейся крови. Еще не заживший толком глаз заплыл, так что с одной стороны Гай видел только темноту. Светоний уже во второй раз сломал ему нос, все остальное представляло собой сплошной синяк.

— Тубрук, — пробормотал Гай, приходя в себя, — я свалился с дерева.

Смех бывшего гладиатора отозвался эхом в густом лесу.

— Свою храбрость, парень, ты доказал — тут сомнений нет! А в твоём умении драться я что-то сомневаюсь. Пора тебе научиться этому делу, пока не убили. Вот вернется отец из города, я с ним поговорю.

— Ты же не расскажешь ему, ну... как я свалился с дерева? Пока падал, столько веток поломал. — Из разбитого носа текла кровь, и Гай ощущал ее привкус во рту.

— Дереву-то досталось? Ты хоть раз в него попал? — спросил Тубрук, глядя на измятые листья.

— Ну, теперь у дерева нос такой же, как у меня.

Гай попытался улыбнуться, но его вырвало в кусты.

— Хм-мм... Думаешь, этим все кончилось? Я не могу допустить, чтобы ты продолжал в том же духе. Не хочу видеть, как тебя покалечат или убьют. Твой отец, уезжая в город, рассчитывает, что ты учишься вести себя достойно как его наследник и патриций, а не затеваешь бессмысленные драки, словно какой-нибудь уличный оборванец. — Тубрук на секунду отвлекся, чтобы поднять валяющийся в кустах сломанный лук. Тетива лопнула, и он недовольно поцокал языком. — А вот за то, что стащил лук, мне бы следовало тебя поколотить.

Гай печально кивнул.

— Все, больше никаких драк, ясно?

Тубрук поднял его и стряхнул с туники прилипшую грязь.

— Ясно, больше никаких драк. Спасибо, что пришел за мной.

Гай сделал несколько неуверенных шагов и едва не упал. Старый гладиатор вздохнул, поднял мальчишку на плечо и понес домой. «Берегись!» — предупреждал он, ныряя под низкие ветки.

К следующей неделе Марк практически поправился, если не считать руки, которая оставалась обездвиженной. Темноволосый и невысокий — почти на два дюйма ниже Гая, — он отличался крепкими ногами и сильными руками, которые были непропорционально длинны. Марк утверждал, что эта его особенность поможет ему стать большим мастером рукопашного боя, поскольку ему будет легче дотянуться мечом до врага. Он также умел жонглировать четырьмя яблоками и даже хотел попробовать делать то же самое с ножами, но рабы на кухне рассказали о его планах матери Гая, Аврелии. И она накричала на беднягу так, что он пообещал выбросить эту затею из головы. Мало того, с тех пор Марк каждый раз опасливо оглядывался, беря нож для еды.

Когда Тубрук принес едва живого Гая на виллу, Марк как раз пробрался на кухню, где с увлечением собирал пальцами жир со сковород. Услышав голоса, он пробежал вдоль стоящих в ряд массивных кирпичных печей к комнате Луция.

Каждый раз, так или иначе пострадав, они шли к Луцию, рабу-лекару, пользовавшему как рабов, так и членов семьи. В своей комнате он накладывал повязки, промывал гнойные раны настоем из личинок, вырывал клещами больные зубы и зашивал порезы. Спокойный и терпеливый Луций, сосредоточившись на работе, имел привычку шумно дышать носом. Со временем его сопение стало ассоциироваться у мальчиков с покоем и безопасностью. Гай знал, что после смерти отца Луций получит свободу — в награду за его молчаливую заботу об Аврелии.

Пока Луций уже во второй раз возился со сломанным носом Гая, Марк сидел рядом и жевал хлеб с подгоревшим жиром.

— Получается, Светоний тебя опять побил? — спросил он.

Гай кивнул; говорить он не мог, а глаза застилали слезы.

— Вот подождал бы меня, вместе бы мы его поколотили.

Гай не мог даже кивнуть. Закончив ощупывать носовой хрящ, Луций резким движением поставил его на место. Свежая кровь хлынула на ту, что пролилась раньше и уже запеклась.

— Осторожней, Луций! Ты мне чуть нос не оторвал!

Луций улыбнулся и принялся нарезать полотняные полоски, чтобы обвязать ими голову.

Воспользовавшись паузой, Гай повернулся к приятелю:

— У тебя рука сломана и трещины в ребрах. Ты не можешь драться.

Марк задумчиво на него посмотрел:

— Попробуешь еще? Он тебя убьет.

Гай спокойно посмотрел на него поверх повязки; Луций собрал свои лекарские принадлежности и встал.

— Спасибо, Луций. Он не убьет меня, потому что я побью его. Просто надо изменить стратегию, вот и все.

— Он убьет тебя, — повторил Марк, кусая вялое яблоко, украденное из зимних запасов.

Прошла еще неделя, прежде чем Марк, поднявшись на рассвете, приступил к упражнениям, развивающим, по его мнению, качества, необходимые будущему великому воину. Жил он в тесной комнатухе со стенами из белого камня, где стояли только кровать да сундук с его пожитками. Гай спал в соседней комнате, и по пути в уборную Марк пнул ногой дверь, чтобы разбудить друга. В маленькой уборной он встал перед одной из четырех обложенных камнями дыр, которые вели в сток с проточной водой. Благодаря этому инженерному чуду неприятный запах практически отсутствовал, а нечистоты смывались в речушку, пробежавшую по дну долины. Сняв каменную крышку, Марк облегчился.

Возвращаясь к себе и не встретив Гая, Марк открыл дверь, чтобы отчитать приятеля за лень. Комната, однако, была пуста, и Марк разочарованно покачал головой.

— Мог бы и меня с собой взять. Зачем же так явно показывать, что я тебе не нужен.

Поспешно одевшись, он отправился за Гаем.

Солнце уже выглянуло из-за края долины, осветив поместье и поля с вышедшими в первую смену рабами. Даже в прохладе леса легкий туман быстро таял в утренних лучах.

Гая Марк обнаружил на границе поместий, совершенно безоружного. Он подошел к другу сзади, и тот, заслышав шаги, обернулся с перекошенным от страха лицом.

— Хорошо, что пришел. Не знаю, когда он появится, вот и жду. Принял тебя за него.

— Знаешь, я ведь мог с тобой вместе подождать. Мы же друзья. И мне тоже надо с ним посчитаться.

— У тебя сломана рука, Марк. К тому же за мной два долга, а за тобой только один.

— Так-то оно так, но я бы мог спрыгнуть на него с дерева или поставить подножку, когда он побежит.

— Одними уловками не победишь. Я одолею его силой.

Марк не нашелся что сказать. В голосе и выражении лица его обычно жизнерадостного друга чувствовалось что-то холодное и неумолимое.

Солнце медленно ползло все выше, тени менялись. Марк присел на корточки, а потом и вытянул ноги перед собой. Заговаривать первым он не спешил. Гай настроился на серьезный лад — пусть. В отличие от него, Марк не собирался торчать здесь весь день. Тени продолжали укорачиваться. Марк отмечал их положение палочками — получилось, что они прождали три часа, прежде чем на тропинку бесшумно вышел Светоний. Увидев двух друзей, он лениво улыбнулся и остановился.

— А ты начинаешь мне нравиться, волчонок. Пожалуй, я убью тебя сегодня или сломаю тебе ногу. Как по-твоему, что справедливее?

Гай улыбнулся в ответ, выпрямился в полный рост и расправил плечи.

— На твоём месте я бы тебя убил. Не убьешь — я буду драться с тобой до тех пор, пока не стану большим и сильным и не убью тебя. А когда убью — заберу твою женщину и отдам своему другу.

Марк слушал Гаю с ужасом. Не лучше ли убежать, пока не поздно?

Светоний, прищурившись, посмотрел на мальчишек и достал из-за пояса короткий, пугающего вида кинжал.

— Волчонок и рыбеха, вы такие тупые, что на вас даже злиться не хочется. Но вы твякаете, как шавки, так что придется все-таки языки вам обрезать.

В следующий момент Светоний бросился к ним, но добежать не смог. Внезапно земля с треском провалилась, и он исчез в облаке пыли и листьев.

— Я приготовил для тебя волчью яму! — радостно выкрикнул Гай.

СОДЕРЖАНИЕ

ВРАТА РИМА. <i>Перевод С. Самуйлова</i>	5
ГИБЕЛЬ ЦАРЕЙ. <i>Перевод А. Коноплева</i>	331